

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия

Ирина Котова
Королевская кровь.
Сорванный венец
Королевская кровь.
Скрытое пламя
Королевская кровь.
Проклятый трон
Королевская кровь.
Связанные судьбы

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
Испытание ведьмой

**Нина Бархат,
Марина Багирова**
Присвоенная

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
Здесь водятся драконы
Институт моих кошмаров.
Адские каникулы

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи

Кира Стрельникова
Своенравный подарок

Дарья Кузнецова
Модус вивенди

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Лис
Маг и его кошка

Алина Полянская
Магистерия

Анна Невер
Обжигающий след

Екатерина Богданова
Академия времени

Ирина
Котова

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

СВЯЗАННЫЕ СУДЬБЫ

Издательство АСТ
Москва

Часть первая

Глава 1

*Начало ноября, столица Инляндии Лаунвайт
Королевская лечебница*

Люк Кембритч

Истошно запищала противопожарная сигнализация, и в коридоре послышался топот множества ног. Персонал метался туда-сюда, проверяя палаты.

Люк ухмыльнулся и выпустил табачный дым в приоткрытое окно. Еще есть время, пока доберутся до него. Кто может подумать на пациента, которого поместили в лучшую палату лечебницы по распоряжению его величества Луциуса? И к которому — невиданное дело! — король приходил лично, проводя виталистические сеансы? Поэтому неудивительно, что лорд со страшным шрамом на животе уже к концу недели был вполне бодр и требователен. И чуть ли не швырялся в медбратьев тарелками с овсянкой и овощными бульончиками, сопровождая каждый прием пищи язвительными комментариями. Продолжалось это до тех пор, пока к нему не приставили опытную и языкастую медсестру Магду Ронфрид — она спокойно выносила его вспышки раздражения и легко вступала в иронические пикировки. В свои пятьдесят лет Магда повидала пациентов и похуже; кроме того, бедный лорд был прав — меню ему предлагали отвратительное.

С утра Люка навестил младший братец, Бернارد, который к своим двадцати годам вдруг пошел в рост, обзавелся широкими плечами, басом и отрастил бородку. То

ли военное училище действительно делает писклявых и нервных юнцов мужчинами, то ли начали сказываться гены Кембритчей. Во всяком случае, сейчас Берни куда больше походил на отца, чем сам Люк. Вот только черные волосы всем младшим Кембритчам достались от матери.

Разговор получался сухим и неловким, до тех пор пока скучающий виконт словно невзначай не спросил у брата, чем он развлекается в увольнениях. Пьянки? Женщины? Скачки? Или продолжает оставаться пай-мальчиком, тайком покуривающим на чердаке имения?

Братец легко повелся на провокацию — возмутился, оживился, и дальше они уже болтали как старые друзья. А под конец малыш Берни расщедрился и оставил ему полупустую пачку сигарет и зажигалку. И немного на личности, извинившись, что не подумал и не взял с собой больше купюр.

«Все-таки наличие родственников иногда полезно и даже приятно», — думал Люк, лаская взглядом призывно поблескивающую мятой целлофановой упаковкой красную пачку, пока братец прощался и уходил. Милый, милый Берни!

Он не торопился, ходил вокруг пачки, как выученная такса возле кроличьей норы, крутил тонкую сигарету, остро и сладко пахнущую табаком, нюхал ее, наконец прислонился к стене, открыл окно и закурил. И чуть не застонал от наслаждения и мгновенно ударившей в голову и ноги приятной слабости.

Расположенная на потолке сигналка отчаянно мигала красным, топот становился все ближе. В палату заглянула раскрасневшаяся Магда, посмотрела на пациента укоризненно — Люк сделал непонимающий вид — и крикнула зычно в коридор:

— Я все проверила, ложная тревога! Вырубай скорее этот вой!

Сигнализация пиликнула еще пару раз и затихла. Наступившая звонкая тишина показалась блаженной.

— Как у вас шумно, — светским тоном произнес виконт, делая затяжку. — Никакого покоя бедным больным.

— А вы негодник, лорд, — сурово сказала медсестра, приближаясь. — Отдайте мне эту гадость!

— Не отдам, — капризно заявил Люк, поспешно затягиваясь снова. — Магда, давайте поторгуемся. Я отдам вам свой титул и имение, а вы мне оставляете эти семь сигарет.

Медсестра смешливо покачала головой.

— Упаси боги, я еще в своем уме. Вон вы какой тонкий да нервный. С этими титулами разве проживешь жизнь спокойно? Да на вас смотреть невозможно! Та-ак, давайте-ка проветрим тут все хорошенько, — и она, не делая более попыток отобрать сигарету у расслабившегося разрушителя, распахнула вторую створку окна. Сразу стало зябко — в палату медленно врывался густой лаунвайтский туман.

— Вот, вы тоже заметили, — грустно сказал Кембритч. — И я заметил. С утра глянул в зеркало и испугался.

— Чего же? — привычно откликнулась женщина, ловко заправляя кровать.

— Непривычно здорового цвета лица, — поделился Люк, понизив голос. — Эти блестящие глаза, этот румянец. Действительно невозможно смотреть! Я привык к серой коже и мешкам под глазами. Видите, — он помахал сигаретой, — возвращаю себе пристойный вид. Довели вы меня своими кашками. И когда меня выпишут?

— Увы, — Магда взяла швабру, погрохотала чем-то в ванной, вышла уже с мокрой тряпкой и стала протирать полы. — Над вами дрожит весь административный состав лечебницы. Поэтому пока не станет очевидно, что вы не свалитесь с внутренним кровотечением, едва выйдя за порог, не выпишут.

— Магда, — проникновенно сказал Люк, — помогите мне сбежать. Я вас расцелую.

— Выдумщик вы, виконт, — грозно сказала медсестра.

— И женюсь, — пообещал Кембритч настойчиво. — Только подышу недельку свободой и сразу поведу вас под венец.

Медсестра скептически глянула на него и наклонилась — вымыть под кроватью.

— А что? — продолжал Люк. — Женщина вы видная, хозяйственная, суровая. Сможете держать меня железной рукой. Станете кормить кашкой, обещаю, буду покорен, как младенец. Курить брошу, — ехидно добавил он, посмотрел на окурок в пальцах и выкинул его за окно.

— Так я замужем, лорд, — пропыхла женщина из-за кровати. — Разводиться не буду, и не умоляйте. Выдумали тоже.

— Вот невезение, — огорчился Кембритч. — Не вести мне здоровый образ жизни. Пропаду ведь без вас, Магда. Так, говорите, можете мне сбежать-то?

— Вы мне зубы не заговаривайте, — отрезала медсестра, разгибаясь. — Хотите убежать — так я вам ни за что не скажу, что сегодня ночью дежурит Нидденс, а он глуховат и на дежурство без бутылки не выходит. И выход на черную лестницу не проверяйте, он точно-точно закрыт будет. Но если помрете, то я приду к вам на могилку и назову дурнем.

— Точно не разведетесь? — льстиво переспросил Люк. — Вы уникальная женщина! Я вас уже три дня люблю.

— Да будь я хоть на десяток лет моложе, — женщина махнула тряпкой, оценивающе оглядела сухощавую и высокую фигуру собеседника. — А впрочем, и тогда бы не развелась. Глаза у вас, лорд, вы извините, конечно, как у кошки блудливого. Мне мой домашний спаниель роднее. Уж точно не буду гадать, с кем он из соседских кошек ночью на улице гулял.

Люк сокрушенно улыбнулся, и медсестра погрозила ему пальцем.

После обеда и процедур — врач УЗИ только удовлетворенно хмыкал, глядя на снимки брюшной полости, пока Люк, измазанный холодным гелем, терпеливо лежал на кушетке и поглядывал в потолок, — к Кембритчу заглянул посол Рудлога в Инляндии, Степан Иванович Хорошевский. Степан Иванович был кругл, бульдогообразен и фразы ронял весомые, медленные. На неожиданно свалившегося ему в штат еще одного помощника он глядел

с плохо скрываемым недоумением. Впрочем, с ним Люк был сама кротость.

— Я завтра отбываю на церемонию вашего награждения, — вещал Хорошевский, степенно усаживаясь на хлипкий больничный стульчик. — Вы можете написать речь со словами благодарности, Кембритч, я зачитаю королеве.

— Вы так добры, — вежливо сказал Люк, — так заботитесь о сотрудниках. Но, Степан Иванович, разве не будет неуважением к ее величеству, если я, совершенно оправившийся после ранения, пренебрегу ее приглашением?

Посол нахмурился, обдумывая информацию.

— Здешние врачи — перестраховщики, — доверительно продолжал Люк, — и я ни в коем случае не хочу нарушать режим, но и огорчать ее величество повторно не желаю. Вы же знаете об инциденте на посольской встрече? — Он, словно волнуясь, сжал руки, и Степан Иванович холодно кивнул. — Я был не в себе и мне нет прощения, но королева была так добра, что позволила мне просить у нее извинения на своем дне рождения. Я не успел, увы.

— К чему вы клоните, Кембритч? — медленно, раскатывая слова, поинтересовался Хорошевский.

— Я прошу вас взять меня в сопровождение завтра, — сказал Люк, — а после церемонии, обещаю, я вернусь в больницу. Меня не будет несколько часов. Но я смогу наконец-то извиниться и принять награду. Что вы думаете, Степан Иванович?

— Ладно, — произнес посол после долгих раздумий. — Но вы будете должны мне услугу, виконт. Я уйду через телепорт завтра в пять вечера. Будьте в посольстве в это время.

— Благодарю вас за понимание, — с жаром сказал Люк и постарался, чтобы вся его фигура выражала безграничное обожание и благодарность.

Около одиннадцати вечера в столичный дом Кембритчей постучался человек. Одет он был совсем не по пого-

де — на улице моросил холодный вязкий дождик, а мужчина нетерпеливо переступал ногами в слишком больших промокших тапочках, поправлял странный плащ, больше похожий на больничный коричневый халат, из-под которого виднелись светлые пижамные брюки.

Пришлось идти почти два квартала пешком, прежде чем удалось поймать такси. И хорошо, что по пути не попался какой-нибудь журналистик, иначе вся Инляндия завтра бы обсуждала шокирующие заголовки утренних газет.

Поздний гость чертыхнулся, постучал еще раз дверным молоточком, достал из широкого кармана телефон и начал искать нужный номер. Но звонить не понадобилось — дверь открылась, и невозмутимый дряхлый дворецкий произнес величаво:

— Добро пожаловать, молодой лорд. Ваша матушка уже несколько раз спрашивала о вас.

Люк покрутил замерзшим носом и усмехнулся — для старого Уолдред, работающего у матери сколько виконт себя помнил, и графиня Кембритч все еще была «молодой леди».

Уолдред принял у Люка промокший халат, аккуратно перекинул его через руку, предложил сухие туфли.

— Нет-нет, — сказал беглый виконт, — мне сейчас нужно переодеться, я промок насквозь. И распорядитесь принести мне чего-нибудь согревающего, Уолдред.

— Ваши покои протоплены, там вас ждут одежда и кувшин превосходного грога, — не обращая внимания на мокрые следы от носков лорда, сообщил дворецкий. — Ужин подавать в комнаты?

— Нет, — отозвался Люк уже с лестницы, под невозмутимым взглядом старика снимая через голову пижамную кофту, — если мать еще не спит, я хочу пообщаться с ней за ужином. И да, Уолдред, за мной могут гнаться полчища врагов. Если будут ломиться в дверь, вы меня не видели.

— Я и так вас почти не вижу, лорд, да и слышу, надо признаться, с трудом, — сухо ответил дворецкий и удалился в сторону кухни. Люк улыбнулся — старик все сделает как надо.

Через полчаса переодетый к позднему ужину и хорошо разогревшийся грогом виконт Кембритч — пил он не без настороженности, памятуя о своем ранении, но организм воспринял алкоголь как давнего знакомого, — сидел с матерью за большим столом в столовой, окрашенной в яркие летние цвета, с плотно задернутыми занавесками, и с наслаждением ел. Немного, растягивая удовольствие — не хотелось бы, чтобы его задумка провалилась из-за взбунтовавшегося желудка.

Леди Шарлотта смотрела на сына с беспокойством. Люк позвонил днем, сообщил о готовящемся побеге и попросил не волноваться. Но она все равно волновалась. И радовалась тому, что беспокойный отпрыск дома.

— Луциус будет в ярости, — сказала графиня в конце ужина, аккуратно подцепляя ложечкой кусочек пудинга.

— Переживу, — легко отмахнулся Кембритч, откидываясь на спинку стула. — Ты купила то, что я просил?

— Купила, — строго произнесла леди Шарлотта, — и это было нелегко, поверь мне. Единственный питомник находится в области, и чудо, что мы успели добраться туда до закрытия. Зачем это тебе, сынок?

— Подарок хочу сделать, — сообщил Люк внимательно наблюдающей за ним матери. — Потом расскажу, мам. Ну не смотри на меня так. Мне сразу хочется все выболтать. Где они, кстати?

— Спят, слава богам, — устало ответила графиня Кембритч. — Как маленькие дети — всего несколько часов в доме, и он почти разрушен.

— Завтра избавлю тебя от этих чудовищ, — рассмеялся Люк, вставая. — Мам, спасибо тебе. Пойду я спать.

— Спокойной ночи, сынок, — сказала леди Кембритч, провожая взглядом сухощавую фигуру сына.

4 ноября, пятница, Иоаннесбург

Церемония награждения проходила в том же зале, что и памятная посольская встреча, и Люк, заходя в помещение вслед за Тандаджи, едва заметно поморщился, глядя на сияющий бронзой пол, — слишком хорошо помнил, как

выглядела на нем его кровь. И красные следы на этих высоких белых дверях, которые он оставил, когда его шатнуло и понадобилось обо что-то опереться.

Тихо играл маленький оркестр, сияли огни изящных, напоминающих золоченые птичьи гнезда светильников под потолком, в несколько рядов стояли полукругом обитые красным бархатом кресла перед королевской ложей, и столики для фуршета были уже накрыты. Никаких журналистов и камер. Тайное чествование тайных героев. А как иначе? Во всех странах так. Если сообщать обо всех попытках покушения на глав государств, то народ будет находиться в состоянии постоянной паники.

— Как ты вообще додумался притащить их в Управление? — сухо спросил Тандаджи, пока помощник церемониймейстера провожал гостей к местам на первом ряду, у самого края.

— Прости, мой добрый бывший начальник, — покажно-ехидным голосом произнес Люк, усаживаясь, — я знал, что ты меня любишь и не сможешь отказать. Знаешь, какими глазами на меня смотрел начальник нынешний, когда я пришел в посольство в сопровождении слуг с переносками?

— Тебя я терплю, — холодно возразил Майло, — а люблю я собак. — Тидусс почему-то глянул на свою ладонь и продолжил: — Как выдрессировал, так и ведут себя. Никакой импровизации или суицидальных склонностей.

По проходу между креслами уже шли другие приглашенные. Люк сразу обратил внимание на роскошную смуглую женщину с очень «вкусной» фигурой. И только когда она обернулась, узнал придворного мага Инландеров, леди Викторию. Двое ее спутников о чем-то переговаривались. Одним, очевидно, был ректор МагУниверситета Александр Свищерский, с которым Люк раньше не встречался. А вторым — барон фон Съедентент.

Барон бросил на него мимолетный взгляд и насмешливо склонил голову. Люк вежливо искривил губы в ответном приветствии. Журчащая легкая музыка вдруг стала раздражать.

Маги расположились на противоположном краю первого ряда, и достаточно было чуть повернуться, чтобы их увидеть. Но Люк не смотрел. Он слушал.

— Александр Данилыч, здравствуйте! — тяжеловатый молодой басок, смущенный и радостный одновременно.

— Ситников, Поляна. Рад вас видеть в добром здравии, — спокойный и немного снисходительный голос ректора. — Я смотрю, вы можете выглядеть прилично.

— Костюмы напрокат взяли, — буркнул второй голос. — А где лорд Тротт? Я думал, он тоже будет.

— Профессор все еще восстанавливается, — объяснил ректор, — ему не до орденов.

В наступившей тишине — оркестр взял небольшую паузу — отчетливо было слышно, как фыркнул блакорец.

— О, и вы здесь, — раздался тот же басок рядом с Люком, и он поднял голову. Рядом стояла несчастная жертва Алмазовой практики, Дмитро Поляна. В костюме он был совсем не похож на того раздолбая в шортах, которого Люк видел в общежитии МагУниверситета.

Они пожали друг другу руки.

— А это Матвей Ситников, — сказал Дмитрий, — мой друг и одногруппник.

Огромный бритоголовый парень тоже протянул Кембричу свою лапищу.

— А это начальник разведуправления, — в тон семикурснику ответил Люк, — подполковник Майло Тандаджи.

— Очень приятно, — нервно произнес студент и под строгим взглядом тидусса вытянулся, расправил плечи, как по команде «смирно».

— Мне тоже, — небрежно ответил Тандаджи, оценивающе рассматривая Поляну. — Садитесь, господа.

— Зачем детей пугаешь? — тихо и укоризненно спросил виконт, пока семикурсники шумно и неловко усаживались в кресла. Ситников с трудом уместился в нем и теперь пытался справиться с торчащими локтями.

— Затем, — коротко ответил подполковник с совершенно каменным выражением на лице. Оглянулся,

встал — к ним подходил Игорь Иванович Стрелковский. Высокий и статный, он вез перед собой в инвалидной коляске бледную женщину с темно-синими глазами и шрамом на бритой голове.

— Люджина, — с удивительной мягкостью произнес Тандаджи, подождав, пока Люк и Игорь Иванович обменяются рукопожатием, — я рад, что вы нашли в себе силы быть здесь. Ваша награда заслужена. Люк, — Кембрич тоже встал, — позволь представить тебе сотрудницу Управления, капитана Дробжек. Капитан, это наш бывший сотрудник, лорд Лукас Кембрич.

Виконт поклонился.

— Как жаль, что я больше не работаю, — галантно сказал он. — Всегда имел слабость к сильным женщинам. Люджина чуть покраснела и кивнула.

Малый зал постепенно заполнялся: рассаживались по задним рядам сотрудники охраны и гвардейцы, помощники церемониймейстера тихо рассказывали о порядке награждения, играла музыка, с дальних кресел доносился оживленный голос блакорийского мага, что-то весело рассказывающего коллегам. А Люк смотрел на королевскую ложу — небольшое возвышение с одной ступенькой, малый трон на фоне взлетающего сокола Рудлогов, четыре кресла рядом с ним — по два с каждой стороны, и вытянувшиеся гвардейцы, застывшие в карауле. И ждал, ощущая неприятное тянущее чувство где-то под кадыком.

И дождался. Зазвучали фанфары, и церемониймейстер объявил хорошо поставленным голосом:

— Ее королевское величество Василина-Иоанна Рудлог! Прошу всех встать!

Зал поднялся. В боковую дверь вошла маленькая королева, сопровождаемая мужем, улыбнулась присутствующим, прошла к трону, но осталась стоять.

— Его высочество принц-консорт Мариан Байдек! Ее высочество принцесса Марина-Иоанна Рудлог! Ее Высочество Полина-Иоанна... Ее Высочество Алина-Иоанна!

Марина. Тонкая, с огромными голубыми глазами, одетая в строгое светлое платье, с прямыми плечами и короткими волосами, она скользнула по гостям взглядом, сдержанно кивнула кому-то. Не ему.

Принцесса поднималась на возвышение, а Люк смотрел на этот затылок и ровную спину и вспоминал совсем другое платье. И ночь над Иоаннесбургом.

И только когда она повернулась, чтобы встать рядом с королевой, он отвел взгляд.

— Дамы и господа, — произнесла Василина, подождав, пока три ее сестры встанут рядом, — сегодня дом Рудлог собрал вас, чтобы выразить свою признательность и благодарность. Ваши заслуги неоценимы. Мы склоняем голову перед вашим мужеством и самоотверженностью. Но прежде чем мы сядем, прошу вас почтить память погибших при исполнении.

Потускнели светильники, оставив зал в полумраке. В наступившей тишине гулко и громко ударил барабан, отмеряя удары, словно последние секунды перед смертью. Тонко и высоко запела скрипка, и люди в зале склонили головы, слушая Песнь ушедших. Тревожным перебором вступил пианист, отчаянно пытаясь нагнать ускользающий мир, а заполняющая все окружающее пространство мелодия возносилась все выше и становилась громче, оглушая, сбивая дыхание, ускоряясь, пока не оборвалась внезапно... и не началась заново, торжественно, светло, почти радостно — маршем уходящих за грань, последним их «спасибо» этому миру.

Когда наступила тишина и зажегся свет, люди стали тяжело опускаться в кресла. Люк никогда не был сентиментальным, но и его проняло. Наверное, потому что этот марш мог звучать и в его честь.

Королева стояла прямо, но глаза ее были полны слез.

Байдек аккуратно прикоснулся к ней, что-то тихо сказал, и она благодарно кивнула.

— Спасибо, — произнесла ее величество чуть хрипло. — Время для памяти. Первыми мы вручим награды родным погибших героев.

— Для вручения награды приглашается мать рядового Стрижина! — зычно объявил церемониймейстер.